

Владимир Лакшин

Солженицын
дал нам всем
два урока:
первый —
небывалого мужества,
которое оказалось
способным
все превозмочь
и победить;
и второй — бесплодного самоуспоения
ненавистью и гордыней.

СОЛЖЕНИЦЫН

И КОЛЕСО ИСТОРИИ

ozon.ru

Владимир Лакшин

Солженицын и колесо истории

«Алисторус»

2008

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2Рос)

Лакшин В. Я.

Солженицын и колесо истории / В. Я. Лакшин — «Алисторус»,
2008

Эта книга – о личности и творчестве недавно ушедшего из жизни писателя, публициста, общественного деятеля Александра Солженицына, человека трагической судьбы, через которую прошли война, восемь лет лагерей, изгнание и во возвращение на Родину. Блестящий критик и литературовед Владимир Лакшин (1933–1993) был непосредственным свидетелем баталий, развернувшихся вокруг первой публикации повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», основной удар в которых принял на себя главный редактор «Нового мира» поэт Александр Твардовский. Знаменитые статьи «Иван Денисович, его друзья и недруги», полемический ответ на книгу «Бодался теленок с дубом» – «Солженицын, Твардовский и «Новый мир», а также интереснейшие дневники автора этой книги «доперестроечного» времени вызовут несомненный интерес у современников – читателей «Архипелага ГУЛАГ» и «В круге первом», «Ракового корпуса» и «Двести лет вместе», пытающихся разобраться в катаклизмах нашей истории. Здесь впервые публикуются письма В.Я. Лакшина к А.И. Солженицыну, многие страницы его дневников.

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2Рос)

© Лакшин В. Я., 2008
© Алисторус, 2008

Содержание

О «крыльях борьбы» и любви к койотам	6
Каким судом судите, таким и судимы будете	12
Письмо А.И. Солженицына В.Я. Лакшину	12
Письмо А.И. Солженицына В.Я. Лакшину	13
Письмо А.И. Солженицына В.Я. Лакшину	14
Письмо А.И. Солженицына В.Я. Лакшину	15
Письмо А.И. Солженицына В.Я. Лакшину	16
Письмо В.Я. Лакшина А.И. Солженицыну	17
Письмо В.Я. Лакшина А.И. Солженицыну	18
Письмо В.Я. Лакшина А.И. Солженицыну	23
Письмо В.Я. Лакшина К.Л. Рудницкому[19]	25
В редакцию «Вестника РХД»[25]	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Владимир Лакшин

Солженицын и колесо истории

Привычно поскрипывавшее в медлительном качании колесо истории вдруг сделало первый видимый нам оборот и закрутилось, сверкая спицами, обещая и нас, молодых, втянуть в свой обод, суля движение, перемены – жизнь.

В.Я. Лакшин

© Кайдаш-Лакшина С.Н., составл... 2008

© ООО «Алгоритм-Книга», 2008

О «крыльях борьбы» и любви к койотам *От составителя*

Лакшин о Солженицыне – тема этой книги, которая достаточно весома и, несомненно, будет продолжена и дальше читателями и исследователями ушедшего века, русской литературы и трагедий русской истории.

Владимиру Яковлевичу было присуще ежедневное ощущение себя в историческом чувстве каждого дня – дня повседневности и вместе с тем исторического бытия и смысла. Во вступлении к своим дневникам, которое он назвал «Письма к самому себе», он писал: «Привычно поскрипывавшее в медлительном качании колесо истории вдруг сделало первый невидимый нам оборот и закрутилось, сверкая спицами, обещая и нас, молодых, втянуть в свой обод, суля движение, перемены – жизнь».

Однако не всегда перемены – жизнь, последняя перемена – смерть. Владимир Яковлевич скончался внезапно 26 июля 1993 года, и ровно через десять месяцев в Россию вернулся Солженицын. Собственно, его ждали давно – еще с августа 1991 года, после произошедшего переворота. Как раз, начиная с июня – июль и август 1991-го, а потом ноябрь и декабрь – время Беловежского соглашения об уничтожении Советского Союза – в журнале «Новый мир», который когда-то при Твардовском сделал Солженицына знаменитым, печаталась его книга «Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни». Ее выход так странно совпал с этими событиями... И не зря.

«Теленок» посвящен борьбе автора с журналом «Новый мир» и его редакторами, разделявшими веру в социализм и возможности его реформации, с позиций самого пылкого и яростного антикоммунизма, который он здесь, пока не был выслан, не обнаруживал. Напротив того, Солженицын писал о «нравственном социализме»...

Время настало такое, что ответ Вл. Як. на «Теленка», опубликованный уже в Англии, Франции и США, встретил отказы во всех журналах. Имя Солженицына после Августа 1991 года стало неприкасаемым знаменем, и опубликована эта работа была лишь уже после кончины Вл. Як. в журнале «Литературное обозрение» благодаря неуступчивой силе и мужеству Леонида Арамовича Теракопяна. Приношу ему горячую благодарность.

Все эти годы, что Солженицын жил в Москве, не затухая шла война против сочинения Владимира Яковлевича. Литературные критики – от газеты «Завтра» до «Литературной газеты» имя его предпочитают упоминать в отрицательном духе. И непременно кто-то ругнет всерьез – Лев Аннинский, Владимир Бондаренко, Павел Басинский. Иногда дело доходило и до откровенных курьезов. Приведу три небольших.

В 2000 году в издательстве «Большая Российская энциклопедия» вышел биографический словарь «Русские писатели 20 века», куда Лакшин вообще не попал: как говорится, не удостоился. Рецензия на словарь называлась – «Как Лакшин в энциклопедию не попал!» Однако этого мало. В огромной статье «Солженицын» в библиографии не указано на самосуществование работы Вл. Як. – «Солженицын, Твардовский и «Новый мир». Звоню редактору, спрашиваю: как возможно такое? Мне отвечают: – А мы не хотели огорчать Александра Исаевича!» Какая там цензура! Угодливость пострашнее ее.

Второй курьез. Два года назад вышла книжка воспоминаний о писательнице Наталье Иосифовне Ильиной, которая после публикации статьи в 1977 году в Лондоне выразила Вл. Як. свое негодование тем, как он посмел поднять руку на столь признанный авторитет во всем мире, как Солженицын. Ильина была автором «Нового мира», часто бывала у нас в доме и любила читать рукописи своих литературных фельетонов за обеденным столом, очень дорожа

тем, как Вл. Як. с ходу их поправлял и редактировал, внося не только стилистические изменения.

Теперь вот поэт Леонид Латынин, никогда не присутствовавший на этих встречах, рассуждает, почему Ильина заняла сторону Солженицына. Он думает, что все дело в ее происхождении, дворянском роде: «Возможно, в этом тень ушедшего из нашей жизни кодекса цельности и единственности стиля поведения русского дворянства». («И только память обо всем об этом... Наталия Ильина в воспоминаниях друзей»). Забавно то, что Латынин, возможно, не знал, а может быть, и забыл, если знал, что матушка Владимира Яковлевича была и по отцу, и по матери русской дворянкой, в совершенстве знала французский язык, так как успела поучиться в Екатерининском институте, да и мачеха ее, с которой она прожила немало лет, была француженкой-парижанкой. Ильину она не любила, сочинениями ее не восхищалась, и та, чувствуя это, заметно робела, может быть, отчасти из-за того, что французский Наталья Иосифовна начала учить уже только в старости, когда стала ездить к родственникам в Париж. Словом, свекровь моя нисколько не удивилась перемене в Ильиной и бросила презрительно: «Эмигрантская выскочка!» Так что с «Рюриковичами» Латынин погорячился... Впрочем, не стоит драматизировать. Через несколько лет Ильина подарила нам свою книгу «Дороги и судьбы» с такой надписью: «Дорогим и уже давним – свыше 20 лет! – друзьям Светлаше и Володе сердечно дружески. Н.И. июль 1988». Время лечит.

Теперь последний курьез. Благородная среда ученых чеховедов.

Спустя семь лет после смерти Вл. Як. директор одного из чеховских музеев вспомнил, как Вл. Як. высмеял его на одном из заседаний за увлечение фрейдизмом. И пошла писать губерния! Вспомнил и недопустимую дерзость Лакшина с Солженицыным, и то, как он, директор, читая «Теленка», «поеживался от того, как Лакшин по дороге в Тарусу, к Твардовскому (!) «уламывал» Исаевича снять из «Ракового корпуса» наиболее острые страницы». Удивительно, как много ошибок можно сделать в одном предложении! Таруса и Твардовский!

Назвав Лакшина «Тамерланом от литературы», определив его «профессиональный идиотизм», этот, с позволения сказать, «чеховед» облил его еще грязью и бранью домыслов и клевет. Основатель и первый председатель Чеховской комиссии Совета по истории мировой культуры Российской Академии наук, первый ее председатель, Владимир Яковлевич, однако, не удостоился никакой защиты от своих коллег. Все испугались испортить отношения с директором музея, так как он находится в Ялте: привыкли ездить туда по весне и делать чеховедческие доклады, считая это своим долгом. А в вестнике Чеховской комиссии написала пространный опус в защиту директора музея ученый секретарь Ирина Гитович, которая, как выяснилось, тоже пострадала от «тамерланства» Лакшина в новомировские годы, когда он испортил своей редактурой ее совершенный текст (почти сорок лет назад). Поэтому она в 2001 году пустилась в рассуждения, был ли Лакшин либералом или не был, имел ли он право объясняться с Солженицыным по поводу «Теленка» или не имел, были ли «счеты» у Лакшина к Солженицыну или не были. Правда, Гитович посчитала, что он «жестко и, возможно, исторически несправедливо полемизировал с Лакшиным». Ну и глубокомысленные филологические «дискурсы парадигмами» относительно купюр в «Раковом корпусе». Нет чтобы словить хотя бы Твардовского в Тарусе! – ученому секретарю! Разумеется, мой ответ в Чеховском вестнике напечатан не был. Гитович заявила, что покинет пост ученого секретаря комиссии, если мое письмо будет опубликовано. Это посчитали серьезным обстоятельством.

Все эти курьезы вспухли потому, что по возвращении на родину Солженицын, которого, кстати, его почитатели вскоре выдвинули на пост президента России, продолжил «Теленка» – публикацией нового сочинения «Угодило зернышко промеж двух жерновов» («Новый мир», 1998, № 9,11; 1999, № 2, 9 и далее).

Полемике с ним Лакшина он отдал там много места. Надо отдать должное Александру Исаевичу: по многим вопросам он признал правоту Владимира Яковлевича, подтвердил, что во многом судил неверно и был неправ.

«Не дворянское это дело» – манерно присваивает Лакшин былую присказку Твардовского обо всяком непорядочном поступке... – пишет Солженицын. – Однако и задумываюсь теперь: как я уверенно судил еще пять лет назад о несомненных преимуществах самиздата перед подсоветской официальной литературой, и даже «Хроника текущих событий» мне казалась значительней, чем достижения «Нового мира». Но вот теперь «на воле», на Западе, уже выходит полдюжины свободных журналов на русском языке, и кажется, никто ж им не мешает достичь высокого уровня, никто их не давит, – а отчего ж они не растут? Ни один из этих претенциозных журналов не может и приблизиться к культурному и эстетическому уровню тогдашнего «Нового мира» – а ведь тот был перепутан и разможен цензурным гнетом. Никто из этих не возвысился к спокойному, достойному, глубокому обсуждению, как умудрялся «Новый мир» в своих жестких рамках, закованный. И сколько национально-народного все же прорывалось в «Новом мире» – этого в журналах Третьей эмиграции начисто не найдешь, в них – бесконечная даль от жизненных русских проблем, и это еще в лучшем случае. В последние мои советские годы, увлеченный горячкой борьбы с режимом, я переоценивал самиздат, как и диссидентство: переклонился счесть его коренным руслом общественной мысли и деятельности, – а это оказался поверхностный отток, не связанный с глубинной жизнью страны. Имея каналы на Запад, диссиденты наполняли их больше сведениями своей среды, а не общенародными... С ходом коротких лет диссидентство быстро истощалось, а открылась им эмиграция – и диссидентское движение, не захваченное вопросами национального бытия, оказалось сходящею пеной. На соблазне эмиграции диссидентство поскользнулось и кончило свое существование».

Несмотря на глубокое личное раздражение, Солженицын был вынужден признать, спустя свыше двадцати лет после выхода статьи Владимира Яковлевича и шести лет после его смерти: *«Лакшин, очевидно, прав, коря меня, что о внутренней обстановке «Нового мира» я судил по слишком беглым своим, всегда на лету, впечатлениям. Допускаю, что я весьма неполно вник в соотношение «первого» и «второго» этажей. Я рад, что он меня поправил. Да наверное об этом выскажутся потом еще другие свидетели. И конечно он прав, что я не открыл всего доброго, что можно было еще сказать о Твардовском: при захваченности моей рукопашной с властями я был в позиции, мало удобной для спокойных наблюдений. Да, конечно, я давал простор нетерпеливым, а иногда и несправедливым оценкам боя. Так, в горячности и отчаянии, я был совершенно неправ, упрекая Александра Трифоновича, что он не взял в редакцию уцелевшего после провала экземпляра «Круга первого»: после моих же ошибок не должен он был ставить журнал под удар новым взятием на хранение уже арестованного романа. И не мог «Новый мир» устанавливать печатанием «следующие классы смелости» – разве только когда обманув цензуру (они это и делали), а вся сила решений была не в их руках. Снимаю и свое предположение, что Твардовский в дни разгрома должен был собрать для совета весь состав редакции, – ему было видней. И в эти дни разгона – какого высшего уровня смелости я хочу от руководства «Нового мира»? Что они могли сделать – не независимые издатели, а государственные служащие? Только дать самиздатское заявление, что мне казалось тогда единственно желанным и действенным. Но ни Твардовскому, ни другим членам редколлегии это было не по ритму, не по навыку, совсем невозможно. Это украсило бы их падение, да, – но не изменило бы обстановку. А когда им навязывали в редакцию А. Овчаренку, клявшего А.Т. «кулацким поэтом», – как же мог Твардовский оставаться? Ну да это я и тогда же признал. А еще – Лакшин мне того не припоминает, но сам я теперь осознал, повинюсь: в «Теленке» я упрекнул А.Т. за парижское интервью «Монду» осенью 1965, что он не дал ни малого намека, в какой я опасности, а мое провальное молчание объяснил моей скромностью. Да, очень много я от него хотел. Вот*

и сам я, год спустя, в интервью Комото – ведь не решился же прямо выложить, что мне голову откручивают». (Курсив мой. – С.Л. «Новый мир», 1999, № 2.).

Таким образом, Солженицын признал правоту Вл. Як. практически во всем – «колесо истории» этой повернулось. Глубокое его личное раздражение, досада, часто злоба уже не могут быть приняты в расчет: и в «искажении цитат» и – в «казенном приспособленце, в фаворе у властей». Был ли больший «фавор у властей», чем у Солженицына после его возвращения?

Кстати сказать, подарив читателям подробное описание своего вермонтского поместья – с водопадами, пятью горными ручьями, двумя проточными прудами, лесом таким, что волки бегают и едва как-то не съели автора «Теленка», форели выскакивают, койоты бродят («кого я ласково люблю – это койотов... подходят к самому дому и издают свой несравнимый сложный зов: изобразить его не берусь – а очень люблю»), Солженицын играючи пишет о себе: «в 1975, достигнув необъятной воли и с необходимыми для того деньгами». Но он не стесняется заклеить Лакшина, который «без промедления пошел на предложенный ему казенно-литературный пост, который *кормит* его (курсив мой. – С.Л.) и дает положение» (там же). Это он о должности консультанта в журнале «Иностранная литература» без права писать о современной и даже русской литературе – рассудил.

Солженицын никак не может простить Лакшину (да и журналу «Новый мир») его признания: «Мы верили в социализм как в благородную идею справедливости» и журнал считали «ростком социалистической демократии» (там же).

«Эти «вершинные» суждения Лакшина, – пишет Солженицын, – и показывают рельефно, насколько невозможно было между нами понимание» (там же).

Враг коммунизма и социализма, он признавался: «Теленку» никак было невозможно остывать, это не мемуары, а «репортаж с поля боя», «надо сбросить коммунизм так, чтобы не погубить народ, а для этого – не революция, но переворот» (2000, № 9), «меня рвали вперед крылья борьбы» (1998, № 11), «так и я, считая коммунизм безоговорочным и даже единственным врагом, долго совершал кадетские прихромки, в том же «Круге», в первом издании «Архипелага», это было рассыпано там у меня» (2000, № 9). Америку он ощущал «таким плотным, верным и сильным союзником нашего освобождения» (1998, № 11).

Однако же в США Солженицына ожидал удар, который он связывает с именем Лакшина и его полемикой с ним. Это ярко отражено в «Зернышке». Вышедший на Западе в Европе и нашумевший ответ Лакшина Солженицыну достиг Америки, и вот, по словам Солженицына, американские журналисты – «в целях и рекламы лакшинской» книги – буквально «конспектируют Лакшина» (2000, № 9). Они сообщают американским читателям выходящего там «Теленка»: «А Лакшин, мол, весьма убедительно оспаривает мемуары Солженицына» (там же). Солженицын пишет с досадой: «Воистину, Лакшин двух маток сосет. Пишут о нем теперь американские журналы: «почитаемый как на Западе, так и на Востоке», «в немилости у властей» (2000, № 9).

Такое отношение американской прессы, «конспектировавшей Лакшина», повлияло на отношение Солженицына к США как союзнику борьбы против коммунизма: «Своей запальчивой недоброжелательностью американская пресса как бы спешила еще и еще доубедить меня, что невозможен нам основательный союз с ними против коммунизма» (там же). Так что «умилительная близость к диагнозам Лакшина» (там же) выступлений в американской печати повлияла и на мировоззрение автора «Теленка». Его заявление – «вряд ли эта работа станет украшением избранного тома статей Лакшина» (1999, № 2) – скорее вызвано досадой, чем обдуманностью...

В примечании к страницам о Лакшине Солженицын выражает недоумение: в публикации этой работы в книге «Берега культуры» (М., «Мирос». 1994) «из прежнего текста убран большой неприязненный абзац об А. С. Берзер («амбиции ее были велики», «она не испытывала безразличности к двойной игре» и т. д., «и часть перешедшей брани обо мне»). (Примеч.

1996)». Свидетельствую: это сделано Владимиром Яковлевичем при подготовке текста к публикации на родине после выхода «Теленка» здесь в 1991 году.

У Владимира Яковлевича необычайная тяга к справедливости, боязнь быть несправедливым была, быть может, главной чертой его личности. А еще он верил, что добром можно победить зло.

В «Зернышке» (теленки, зернышко – как ласково о себе!) меня больше всего поразила короткая сценка: Солженицын в вермонтском поместье показывал своим маленьким сыновьям звездное небо, и «Игнат поражен был «Альголем» – «звездой дьявола» (за переменную яркость) – и жаловался маме, что ему теперь страшно ложиться спать» (2000, № 9).

Ни в одном справочнике я не нашла эту звезду. «Переменная яркость».

Можно задать себе вопрос: стало ли уничтожение «Нового мира», который объединял всех мыслящих людей страны, создал общественное мнение и настоящее гражданское общество, безвозвратно ушедшим прошлым, событием лишь литературной жизни? Нет, конечно. Историк Василий Осипович Ключевский подметил парадоксальный закон: «Мы гораздо больше научаемся истории, наблюдая настоящее, чем поняли настоящее, изучая прошлое. Следовало бы наоборот» (В.О. Ключевский. Афоризмы и мысли об истории. Пенза. 1992). Именно наблюдая настоящее, возможно стало вернее оценить то, что произошло и с закрытием «Нового мира» Твардовского, и с появлением «Теленка» Солженицына.

Второй парадокс Ключевского: «История – зеркало – неосторожность» (там же) в данном случае придется отвергнуть.

Не было упавшего по неосторожности зеркала, а было все тщательно подготовлено.

Выступая на Лакшинских чтениях, которые проходят в Москве уже несколько лет и всегда многолюдны, критик Наталья Иванова сказала: «Новый мир» был своего рода политбюро партии «новомирской» России – а партия такая была, и очень достойная и настоящая. И сегодня, даже осуществляя ревизию «новомирства» и его критики, нельзя недооценивать ее выдающуюся, огромную, единственную в своем роде историческую роль в разблокировании сознания читающего сообщества... Читатель миллиметр за миллиметром, вместе с Лакшиным как деятелем журнала и критиком, увеличивал пространство свободы. ...Лакшин безусловно остается настоящим деятелем в истории русской литературы XX века, в истории освободительной мысли России» (Владимир Лакшин. Голоса и лица. Гелеос. 2004).

«Новомирская партия», которая «защищала дружно оплеванный ныне идеал гуманного, демократического социализма», в который, по признанию Вл. Як., «верили Твардовский и многие из нас» – и была разгромлена в 1970 году. Солженицын в своем «Теленке» попытался расправиться с ней изнутри. В своем «Зернышке» он сам признал: «Общественное движение в СССР, по мере все более энергичного своего проявления, не могло долго сумятица без проступа ясных линий. Неизбежно было выделиться основным направлениям и произойти расслоению. И направленья эти, можно было и предвидеть, возникнут примерно те же, какие погибли при крахе старой России, по крайней мере, главные секторы: социалистический, либеральный и национальный» («Новый мир», 1998, № 9). В социалистическом секторе самым сильным и потому опасным был «Новый мир», а не «старые большевики».

Через 15 лет началась перестройка, еще через шесть – в стране был свергнут социалистический строй. Так что ликвидация «Нового мира» была важной вехой на этом пути. Так прокатилось Колесо Истории... Здесь опять хочется вспомнить Ключевского: «В нашем настоящем слишком много прошедшего; желательно было бы, чтобы вокруг нас было поменьше истории».

Вл. Як. принадлежит и определение «просвещенного патриотизма», которым так широко пользуются сейчас самые разные партии. Это, по существу, исповедовал «Новый мир».

В настоящей книге читатель найдет статьи Вл. Як., посвященные творчеству Солженицына, выдержки из его дневников, связанные с ним. Впервые публикуются письма Вл. Як. Солженицыну весны 1970 года, письма К.Л. Рудницкому, в «Вестник РХД» о статье Ф. Светова.

Светлана Кайдаш-Лакшина

Каким судом судите, таким и судимы будете *Из переписки с А.И. Солженицыным и другими*

Письмо А.И. Солженицына В.Я. Лакшину

4.2.1964. Ленинград

Дорогой Владимир Яковлевич!

Когда я был в редакции, то меня несколько тревожно спрашивали (Б.Г.)¹, как я отнесся в Вашей статье к месту о Цезаре². Я и сам уже было встревожился.

Но, прочтя статью, вижу, что все отлично и все на месте. Вы верно истолковали, что не о народе и интеллигенции речь идет, а о работагах и придурках, о тех, кто принимает на себя удар и кто от него уклоняется. Именно это и именно так я и хотел передать в повести. И хотя перед прототипом Цезаря мне по-человечески несколько неловко, но что делать? *Amicus Plato...*³ Ну, м.б., приравнивание к красиям есть маленький перебор, а скорее-то всего, учтя возможные в то время сценарии Цезаря – и нет. Но глубоко по сути – верно.

И великолепный удар по дьяковской⁴ повести без этой подготовки не получился бы.

В общем, спасибо за статью. От подобной статьи чувствуешь – как бы и сам умнеешь.

Привет большой Александру Трифоновичу и всей редакции!

Крепко жму руку!

А.С.

¹ Б.Г. – Борис Германович Закс, ответственный секретарь редакции «Новый мир». Речь идет о статье Вл. Як. «Иван Денисович, его друзья и недруги» («Новый мир», 1964, № 1).

² Цезарь Маркович – персонаж повести Солженицына «Один день...».

³ Платон мне друг... (*лат.*)

⁴ Повесть Дьякова «Пережитое» в «Звезде» изображала лагерь с точки зрения привилегированного зэка, «придурка», освобожденного от общих работ.

Письмо А.И. Солженицына В.Я. Лакшину

7.4.1965

Дорогой Владимир Яковлевич!

С удовольствием прочел Ваше предисловие.

Оставаясь на уровне серии «Народной библиотеки», Вы очень серьезно изложили суть дела. Степень использования в «Хаджи-Мурате» исторических материалов была для меня новинкой. Метод «цепочки событий» (выражение неточное, но и «диалектика событий» мне кажется расплывчатым) в другом издании и по какому-нибудь другому поводу Вам еще, надеюсь, придется и удастся рассмотреть пристальней. Здесь еще много неназванного.

Особое удовольствие доставляет то, что Вы пишете таким спокойным и хорошим языком, далеким от современного критического жаргона. Тут замечается все – «шагнув туда без порога», «нерасточительная мудрость», «рознь» вместо противоречия или расхождения, «ухаженная красота» и др. Так из приложения к рассматриваемой вещи статья становится самостоятельной ценностью.

Благодарю Вас!

Крепко жму руку.

Солж.

Письмо А.И. Солженицына В.Я. Лакшину

5.10.1966

Дорогой Владимир Яковлевич!

Конечно, не мне пристало хвалить Вас за статью в № 8⁵. Но и мне же можно сказать: пока в «Литературке» и других местах сухо спорят, что такое рецензия и какой она должна быть, – Вы от статьи к статье создаете свой отменный критический стиль, так что скоро Вас уже по одному абзацу можно будет узнавать. Черты этого стиля такие:

– в век космических скоростей и нервных перескоков – уверенная в себе неторопливость (вполне захватывающая и читателя!). Неторопливость, основанная на убеждении, что подлинные истины наскаками не познаются;

– напротив, в духе века – строгость определений, точность обозначений (критик постоянно помнит, что мы все обставлены точными науками). Дотошный поиск истины до последнего ковырка⁶ – и читатель вместе с критиком радостно проделывает этот путь;

– внезапные прорывы чистой художественности, которые освещают и сплавляют весь логический материал;

– прозрачный русский язык, ничем не сродненный с господствующим заштампованным критическим жаргоном;

– юмор – очень русский, без разных там сатирических жал, без восклицаний, а – усмешечкой мужицкой, и оттого неопровержимый.

Черты не все, конечно, но какие пока заметил. А какое ловкое использование писем читателей, поддержка одних, высмеивание других! – это-то и было бы воспитание читателей, если бы тираж статьи был хоть в шесть раз больше: пока нет миллионных тиражей⁷, это все еще эффект не настоящий.

(А все-таки: процентиков на пятнадцать статья могла бы быть короче? Все-таки, совсем забывать о темпах жизни – не надо?)

Крепко жму руку!

Ваш *Солженицын*.

⁵ В «Новом мире» (1966, № 8) была опубликована вторая статья Вл. Як. «Писатель, читатель, критик», посвященная разбору рассказа Солженицына «Матренин двор» (опубл. «Новый мир», 1963, № 1) и повести Виталия Семина «Семеро в одном доме» (опубл. «Новый мир», 1965, № 6).

⁶ *Ковырк* – см. у Даля: ковырок – копок, действие ковырнувшего.

⁷ Тираж № 8 составлял 141 300 экземпляров (сто у сорок одна тысяча триста), с учетом того, что каждый номер читала по меньшей мере одна семья из четырех человек – это было шестьсот тысяч читателей. Однако «Новый мир» подписывался часто вскладчину (несколькими семьями, даже организациями).

Письмо А.И. Солженицына В.Я. Лакшину

(1968)

Вообще я считаю Вас критиком первого ранга, независимо от перегородок между столетиями (XIX–XX). Ваши статьи особенно ценны и приятны тем, что каждую строчку, абзац, читаешь с наслаждением, как художественное произведение.

Все статьи Ваши мне нравились, но в последней, о «Мастере и Маргарите»⁸, мне кажется, Вы недобрали одного этажа, археологического этажа; еще можно было глубже копнуть. Очень сложный роман, он требует очень глубокого объяснения. То, что Вы написали, все очень интересно – трактовка, что дьявольскую силу он применяет, как мысленную расправу за справедливость. Однако мне кажется, там есть еще какое-то более глубокое и серьезное объяснение всего этого, двух вопросов:

- 1) использование дьявольской силы;
- 2) евангельская история.

1) Это выходит у Булгакова за рамки этого романа, это вообще какое-то распутное увлечение, какая-то непозволительная страсть, проходящая через все его произведения, начиная с «Дьяволиады», где это уже чрезмерно и безвкусно даже. В этом отношении он как-то напоминает Гоголя. Вообще, Булгаков есть вновь родившийся Гоголь. И такое удивительное повторение нескольких важнейших сторон таланта совершенно изумляет. И в своем пристрастии к нечистой силе он тоже повторяет Гоголя, повторяет его и в юморе и во многом другом.

2) Если бы это была попытка объяснить просто с точки зрения художника всем известную легенду – это было бы одно. Но если в этом самом произведении так восхваляется нечистая сила и так унижается Христос, – тут тоже надо что-то выяснить. Один мой знакомый сказал, что это евангельская история, увиденная глазами Сатаны.

И вот соотношение этих двух струй (нечистой силы и Бога) в одном романе заставляет осторожно к этому отнестись – что-то здесь еще надо объяснять...»⁹

⁸ Ст. Вл. Як. о романе Михаила Булгакова была опубликована в «Новом мире» (1968, № 6) – «Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

⁹ О сложном, ревнивном отношении Солженицына к творчеству Булгакова см. в этой книге дневниковые записи и «Солженицын, Твардовский и «Новый мир».

Письмо А.И. Солженицына В.Я. Лакшину

03.04.1970

Многоуважаемый Владимир Яковлевич!

Мне передали, что в одной компании Вы выразились обо мне так: «С-н уже не тот, что был в 62-м году, теперь он стал надменный». Соболаговолите подтвердить или опровергнуть (можно по рязанскому адресу, лучше – по Веронькиному¹⁰: Чапаевский, 8, кв. 54).

Я – нисколько не обижусь, но мне это очень интересно психологически. Если нечто подобное Вы сказали, я обязуюсь тут же объяснить Вам, что именно Вы могли принять за надменность.

Жму руку.

С.

NB. В виде комментария к этому письму приведу выписку из одной статьи Щедрина, кот. я, конечно, не решился бы напомнить А. И.¹¹.

«Во всяком благоустроенном обществе само собою предполагается, что публичный деятель в своих частных сношениях, в своих разговорах, то есть вообще у себя дома, – действительно настолько дома, что самая мысль о непрерывном домовом обыске устраняется, как нечто нелепое и дикое... хотя бы эти обыски предпринимались и с либеральными целями. Торквемадство, даже и либеральное, есть явление настолько противное человеческой природе, что общества цивилизованные все усилия свои прежде всего устремляют к тому, чтобы оградить себя от наплыва его, и только тогда считают себя достигшими действительной свободы, когда успевают в этом ограждении. Конечно, примеры подобного либерального торквемадства¹² в истории нередки, но мы, по совести, не можем их одобрить. Так, например, известный либерал XVIII века Феофан Прокопович...¹³ таким образом формулировал допросные пункты некоему Аврамову, написавшему против него обличение: «В известном сем от вас затеянном действии, с кем ты входил в общество и беседы о сем, а наипаче не сообщал ли ты о сем особам знатным, и до кого из знатных лиц имянно ты прихаживал и об сем имел разговоры, а как часто и что советовали?» и т. д. и т. д. Нельзя не сознаться, что подобная манера относиться к пациенту довольно язвительна, но в то же время всякий, кто провел свою жизнь не на цепи и не в уединенном месте, согласится, что есть в ней нечто и в высшей степени уродливое» («Материалы для характеристики современной русской литературы». М.Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений. Т.9).

¹⁰ *Веронька* – Вероника Туркина, родственница первой жены Солженицына.

¹¹ *А.И.* – Александр Исаевич Солженицын.

¹² *Торквемадство* от: Торквемада (1420–1498), глава испанской инквизиции (великий инквизитор). Инициатор изгнания евреев из Испании (1492).

¹³ *Феофан Прокопович* (1681–1736), церковный деятель; писатель, сподвижник Петра I, жестокий гонитель старообрядцев.

Письмо В.Я. Лакшина А.И. Солженицыну

04.1970

Дорогой Александр Исаевич!

Неужели Вы не видите, что все это пустяки, раздутые и высосанные из пальца? Ни в каких сомнительных «компаниях» я не бываю и оскорбительных для Вас слов никогда не говорил, да и не мог бы сказать.

Единственное, что могло дать повод к Вашему письму и что я мог вспомнить – это у себя дома, в кругу четырех друзей, которых могу назвать поименно, высказал я однажды досаду на Вас, на взгляд чуть свысока, который я у Вас стал примечать и который, конечно, вполне объясним Вашим особым нынешним положением.

Теперь очень раскаиваюсь, что говорил об этом в откровенную минуту, если это дало повод к пересудам и грозит вырасти в некий «инцидент».

Чтобы быть до конца искренним: судите меня как хотите, но мне показалось, что в последние наши мимолетные встречи в декабре и феврале Вы были холодны, торопливы и невнимательны, даже когда все рушилось в редакции и я, намеченный первой жертвой журнального погрома, ждал какого-то от Вас слова. Впрочем, все это должно быть пустяки, глупые претензии, если принять в расчет Ваши обстоятельства, и сейчас я желал бы только одного, чтобы все это не легло тенью на наши добрые отношения.

Существует, как видно, закон, по которому в несчастную пору жизни – особый урожай на ссоры и недоразумения, вспухающие как бы сами собой, а последние недели, я наблюдаю, будто злой дух какой-то пробудился: все вокруг чревато подозрениями, сплетнями, пересудами, потакать которым – только бесов тешить.

Бога ради, не давайте им нас посорить.

Искренне любящий и уважающий Вас

В. Л.

Письмо В.Я. Лакшина А.И. Солженицыну

27.04.1970

Многоуважаемый Александр Исаевич!

Я ошеломлен Вашим письмом, его несправедливостью, поспешностью суждений и, простите, неблагородством. А все же – спасибо за откровенность. То, что Вы написали «не для обиды, а строго по делу» и «для выяснения истины», дает и мне право высказаться на этот счет, тем более, что в выяснении истины я кровно заинтересован.

Ведь Вы судите о положении журнала, о моей роли в нем, о моих отношениях с Твардовским и т. п., то есть о том, что составляло всю мою жизнь каждого дня в течение этих восьми лет, и судите так, будто знаете ее лучше, чем я. Не колеблясь, Вы выдвигаете против старой редакции и против меня лично целый ворох обвинений и укоризн.

В Вашем коротком письме насказано так много, что не знаешь, с какого конца начать. Начну с менее существенного.

Вы превосходно, в духе Достоевского, изобразили сцену поцелуя в коридоре – и, бог мой, как бы хотел я теперь забрать назад тот свой невольный порыв! Вообще говоря, не мужской это разговор – имели или не имели Вы «тягу к объятию», но раз уж Вы этого коснулись, скажу, что не это меня тронуло тогда и не Ваше «колебание» я заметил, а то, что на мои слова об уходе (я процитировал, если помните, надпись на надгробной плите Мартина Лютера Кинга), Вы ответили чем-то незначашим и оживленно стали пересказывать анекдоты немецкого радио. А потом, увидев, что они слишком мало веселят меня, или просто исчерпав эту тему, умчались, прервав разговор на полуслове.

Но с досадой отметив про себя все это, мог ли я тогда думать, что за этим кроется нечто более значительное и относящееся к тому, что «строго по делу»?

Как бы ни был суров и требователен Ваш счет ко мне, в чем Вы могли винить меня тогда, 10 февраля? Что Вы знали о моем отношении к событиям, о моей позиции? Разве Вы говорили об этом со мною? С Кондратовичем? Хитровым? С Твардовским, наконец? Ведь нет? Но кто мог тогда с безусловностью сказать Вам, советуя я А.Т. остаться или нет? Кто вообще мог достоверно знать об этом, кроме его и меня?

А с другой стороны, согласитесь, странно все-таки. Вы идете к Твардовскому убеждать его, что журнал надо вести и дальше, без участия изгнанных, говорите, следовательно, и о моей судьбе, а ко мне, не в пример прошлым годам, даже и не заглядываете, ну хотя бы затем, чтобы попрощаться, а при встрече на ходу ни словом не даете понять о своем отношении «к делу». И это непосредственно после, как Вы пишете, «сердечного» разговора в ноябре. Что же произошло между этими двумя датами? Отчего 10 февраля Вы были уверены что я поступаю (поступлю?) неправильно? Все это мне тоже интересно психологически.

Весь ход рассуждений в Вашем письме выдает человека, не знакомого с обстоятельствами дела, с теми подробностями, которые часто решают все, человека, доверившегося ложной и неполной информации, а грубее сказать – клевете, и теперь эту клевету повторяющего. Мне остается предположить одно – Вы судите об обстановке в редакции, о внутренних взаимоотношениях, о том, что можно было сделать, а чего нельзя, на основании мнений, сложившихся в некоторых комнатах нашего первого этажа и дошедших до Вас непосредственно через вторые руки. Там постепенно возник свой микроклимат, своя домашняя идеология и психология, особенно бурно формировавшаяся в февральские дни, и мне жаль видеть, что Вы в данном случае оказались под подавляющим ее влиянием.

Об этом я хочу еще сказать позже. А пока – вот еще кровавый вопрос. Вы пишете о «страшной исторической цене Августа»¹⁴. Может быть и так. Но пусть уж об исторической цене – стоило или не стоило ее платить – и рассудит история. Я же рад, что у меня и моих товарищей тогда нервы не сдали, иначе журнал был бы – сегодня это очевидно – раздавлен полутора годами прежде. А полтора года журнала Твардовского, я думаю, не безделица.

Вы пишете далее, что в роковые февральские дни мы, четверо изгнанных редакторов, не оказали мужественного сопротивления, не пошли на личные жертвы. О чем Вы говорите тут? В чем упрекаете? Из Вашего изложения это не совсем ясно. Ну, скажем, «не оказали мужественного сопротивления». Как? В каком смысле? Да и что Вы знаете об этом? Знаете ли Вы, к примеру, о том письме, которое мы отправили в Секретариат СП с требованием гласного обсуждения причин нашего увольнения? С этим письмом, разумеется, не посчитались, да и с какими нашими заявлениями и протестами стали бы считаться, если уже не посчитались с протестами Твардовского?

Но еще остается вопрос о «личных жертвах», которых мы будто бы не захотели принести. (Возможно «вы» говорится тут из любезности, а имеюсь в виду прежде всего я.) Поэтому скажу о себе.

Пожалуй, кроме «Нового мира», мне и нечего было терять, и нечем жертвовать. Ни «постов» у меня не было, ни «влияния наверху». А на том уровне, на каком я мог портить отношения с «верхом», я давно испортил их вдрызг. Недаром обычные рассуждения этих людей о журнале сводятся к тому, что во всем виновато окружение Твардовского, и конкретнее – «виноват Л – н».

Стало быть, лично пожертвовать я мог только тем, чем и пожертвовал – меня нигде не печатают и, видимо, не будут печатать: четыре издательства еще в прошлом году отвергли мои заявки на издание новых или хотя бы переиздание прежних моих работ. От преподавания в университете, где я вел занятия в течение десяти лет, я отстранен еще два года назад. И, лишенный возможности преподавать, я вынужден теперь бросить и мои занятия литературной критикой. Ибо еще можно, хоть и бесконечно трудно, конечно, писать роман, рассчитывая на будущих читателей и не надеясь на издание, но писать критику «в стол» – нелепо, невозможно, и заниматься ею без журнала нет никакого смысла.

Вы можете сказать, что не великие все это жертвы, но для меня лишение того, что я могу и, кажется, умею делать – не пустяк. С охотой пожертвовал бы я и теперь мучительной для меня, призрачной службой в «Иностр. литературе», если бы видел в этом хотя бы какой-то идейный смысл. А так – не все ли равно? Деньги платят, чтобы прокормить семью, и ладно.

Если же, говоря о «личных жертвах», Вы имели в виду другое – уговорить А.Т. работать и без нас, как сделал когда-то Дементьев, то тут даже и жертвы никакой не было бы – один рациональный расчет.

Всегда я считал, что если бы вопрос сводился лишь к тому, чтобы убрать из редколлегии меня, Кондратовича или любого другого редактора, журнальное дело могло бы идти дальше своим ходом во главе с А.Т. В начале февраля, когда только началась вся эта история, я говорил А. Тр-чу, что если вопрос упрется в то, чтобы освободить меня, безусловно необходимо на это идти. Присутствовавший при этом разговоре Виноградов тогда же подтвердил это и в отношении себя.

Но одно дело – изъятие старых членов редколлегии, другое – прибавление новых. Отлейте молока из кувшина, его будет меньше, но его можно будет пить. Иное дело – добавить в молоко конской мочи, – придется ли Вам по вкусу этот напиток?

¹⁴ «Страшная историческая цена Августа» – речь идет об августовских событиях 1968 года в Чехословакии. Солженицын считает, что «Новый мир» должен был выразить свою горячую поддержку чехам и на этом прекратить свое существование: «Закраться тогда было ПОЧЕТНО!» А у него «с августа 68 г. горела боль и стыд», что «Новый мир» не сделал этого.

Коварство замысла устроителей гибели «Н.М.»¹⁵ состояло – теперь это ясно – в беспроигрышной игре: они хотели ухода Твардовского или, что было бы для них еще лучше, оставления его имени на обложке журнала, где фактически распоряжались бы навязанные ему Большое, Овчаренко и К°.

Тут уже не было выбора, и я не считал возможным уговаривать А. Т. оставаться. Зачем? Чтобы на несколько месяцев прикрыть своим именем разлагающийся труп того, что было прежде «Н. миром»? Да и что значит «уговаривать»? Не надо преувеличивать моего на него влияния. В нашем добром товариществе он влиял на меня уж никак не меньше. И если иной раз он прислушивался и к моим советам, то лишь постольку, поскольку это отвечало его внутреннему убеждению.

Останься А.Т., и это каждодневное сотрудничество с людьми, с которыми он не хотел даже издали знаясь, стало бы для него нравственной пыткой, одним непрерывным оскорблением, и кончилось бы все равно тем же – уходом. Так зачем бы я стал толкать его на этот позор и муку?

И, наконец, последнее. Я решительно отказываюсь понять, как Вы, начав с суровой принципиальности по отношению к Августу, когда свободы выбора для редакции не было, оказались столь снисходительны по отношению к нынешнему «Н.М.» и участию в нем, когда свобода выбора налицо. Тут является в Вашем письме и ссылка на «время такое», и оправдание для аппарата редакции продолжать в ней работу, а для авторов – нести туда свои рукописи. Мысль, что совершается заланированный обман общественного мнения, что «люди готовы, забыв о первом порыве негодования, активно помогать казнокраду Большову и чиновнику Косолапову, согласившемуся принять место А.Т. (как долго искали такого человека, и как не верили вначале, что он найдется!) так вот помогать им сохранить внешность «Н.М.» при неизбежной утрате его существа, – и все это Вас ничуть не смущает?

«Пусть каждый делает то малое, что может», – пишете Вы. Казалось бы, оно и так. Но я хорошо узнал в последние недели, что значит эта точка зрения в применении к разрушенному журналу, и она неразрывно связана с обвинением, бросаемым прежней редколлегии и мне лично. По прошествии двух месяцев стало особенно ясно, что этот взгляд коренится в иллюзиях тех сотрудников ред. аппарата «Н.М.», которые по житейским обстоятельствам не покинули редакцию и принуждены были силою вещей к сотрудничеству с Косолаповым.

Можно ли их винить за это? Нет, конечно. Как не понять, по-человечески, что некоторым из них, «слабым женщинам», как Вы выразились, трудно расстаться с журналом по материальным и иным личным обстоятельствам. У кого – нет перспективы найти работу, кому – пенсионный возраст подходит, а кто должен дожидаться срока 10 % прибавки к пенсии за непрерывный стаж на одном месте и т. п.

Все это обстоятельства понятные, соображения законные, и кто кого посмел бы попрекнуть этими соображениями и житейскими расчетами, даже и 10 процентами, и прочим? Но вот когда под частные житейские обстоятельства подводится идейная база, когда личная необходимость выдается за общественную добродетель, тогда дело приобретает иной поворот и окрашивается двусмыслицей. Возникает сомнительный призыв: сохранить прежний журнал при новой редколлегии. Журнал Твардовского под редакцией Косолапова – какая злая карикатура!

Благородные иллюзии начинают, понятно, рушиться с первых же шагов, но дело сделано. «Слабые женщины» сами обманываются и обманывают «сильных мужчин». Те самые авторы, которые в дни крушения «Н.М.» без всякого понуждения с нашей стороны заверяли нас, что никогда не пойдут на сотрудничество в разгромленном журнале, обрадовавшись индальгенции от старого аппарата, стыдливо несут туда свои рукописи.

¹⁵ «Н.М.» – «Новый мир».

Знаете ли Вы, между прочим, что прямым указанием Косолапову при разгоне старого «Н.М.» было: «Необходимо сломить бойкот писателей. Нам не нужен второй «Октябрь», нам нужен «Н.М.», только без крайностей прежней редакции». (Вы хорошо можете представить себе, что такое «крайности» в понимании этих людей). И аппарат наш стал выполнять эту задачу как нельзя успешнее. Писателей уговаривали – не забирать рукописи, авторов призывали заканчивать прежде заказанные им статьи – будто ничего не случилось. Дороша и Марьямова¹⁶ убеждали не торопиться с уходом – и не без успеха.

Даже у серьезных, умных людей, вроде Буртина¹⁷, клубились иллюзии, что можно, имея чиновничью редколлегию, выпускать с помощью давления аппарата приличный журнал. Но во-первых, что такое «приличный»? Где граница приличия и неприличия? Приличен ли журнал Кожевникова? А, может быть, «Москва» Мих. Алексеева? Во-вторых, всякий, кто знает редакционную работу изнутри, понимает, что это – блеф. «Слабые женщины», даже утешая себя тем, что они «принципиально» спорят с Овчаренкой или Большовым, сами не заметят, как начнут отступать, уступая здесь – абзац, там – страницу, тут – статью. И этот процесс уже начался.

Конечно, жизнь есть жизнь, писателям надо же где-то печататься, и по прошествии известного времени, вероятно, наступит момент, когда будет уже безразлично, куда нести свои рукописи – в «Москву» или «Н.М.» – «где печатают, там и родина». А можно допустить, что «Н. мир» и тогда будет иметь репутацию более уважаемого издания, и симпатии авторов невольно направятся к нему. Но активность, проявленная в первые недели и месяцы после отставки Твардовского, когда трижды еще не пропел петел, объективно выглядит как изъятие усердия.

Честные люди, ставшие жертвой иллюзий и самообмана (а за одним-двумя исключениями я не сомневаюсь в личной порядочности наших прежних сотрудников), мало-помалу все равно разойдутся из редакции, если их еще прежде не уволит Косолапов, как он грубо уволил Буртина, поплатившегося тем самым за свои недолгие оболъщения. Но разойдутся, боюсь, с горьким сознанием, что послужили темной силе.

Именно среди этих, попавших, на мой взгляд, в несчастное и двусмысленное положение людей, среди «слабых женщин» первого этажа и родилось, поощренное чьими-то прямыми наветами, то объяснение обстоятельств гибели старого «Н. мира», которое и Вас соблазнило.

Раз положение скверное и двусмысленное – надо искать виноватых. И в силу психологического закона, по которому наш гнев легко переключается с истинной причины зла на ближайшую, но мнимую его причину, так сказать сублимируется и отводится в сторону от опасного источника, возникла готовая теория: «Л – н взорвал «Н.Мир», он не уговорил Твардовского остаться», «ему самому давно надо было уйти, и все было бы в порядке». Вся кружковая либерально-литературная Москва это сейчас жует со слов «слабых женщин», не замечая, что сходится тут вполне с официальным обвинением: «во всем виновато окружение Тв – го».

А если уж рассудить по чести, чем мы виноваты, чем виноват я, кроме того, что меня вышвырнули из журнала, который составлял всю мою жизнь?

Я никогда не был обделен добрыми отношениями с людьми – и в редакции и вне ее. И пока все было благополучно и мы дружно тянули общий воз, не было и следа какого-либо недоброжелательства. По крайней мере, я его не чувствовал и, напротив, гордился доброй атмосферой взаимного уважения и товарищества, сохранявшейся между всеми сотрудниками.

¹⁶ Дорош Ефим Яковлевич и Марьямов Александр Моисеевич – члены редколлегии Твардовского, которые остались работать с новым редактором – В.А. Косолаповым.

¹⁷ Буртин Юрий Григорьевич – редактор отдела публицистики в журнале.

И только после нашего ухода¹⁸ – будто какая-то плотина прорвалась; волна злословия, сплетен, домыслов вокруг старой редколлегии и моего, в частности, имени, поднялась – странным образом – как раз тогда, когда я перестал появляться в редакции. А теперь вот все завершилось Вашим письмом.

Не знаю, что и сказать Вам под конец. Бог Вам судья. А моя совесть чиста.

С уважением

В. Л.

¹⁸ Четыре уволенных редактора – А.И. Кондратович, В.Я. Лакшин, И.И. Виноградов, И.А. Сац.

Письмо В.Я. Лакшина А.И. Солженицыну

8.05.1970

Многоуважаемый Александр Исаевич!

Иногда мне кажется, что наша переписка – дурной сон какой-то. Только-только Вы признали свою неправоту в вопросе, на котором осн оывалось все обвинение в прошлом письме, как уже готово новое. На этот раз выясняется, что не слишком-то хорош был сам журнал и, между прочим, мои статьи в нем. Согласитесь, это совсем новый мотив. Вы бегло просмотрели оказавшиеся под рукой 11 книжек, всему выставили цену, как для аукциона, и произнесли свой суд: не стоило-де и задерживаться на полтора года, тем более, что «Н. мир» не выдержал «победного соревнования» с Самиздатом и в журнале не устраивались конференции авторов и сотрудников с отчаянными возгласами: «Братцы!.. Как нам быть?»

Не думаю, чтобы Вы вовсе не сознавали значения журнала. Скорее у Вас тут, по присловью, не прямота бранится, а задор. Но Вы вправе смотреть на вещи по-своему. Ваша воля – равнодушно парить над «Новым миром» и «Октябрем», так же, как не наблюдать различий в «компромиссной линии» при Твардовском и при Косолапове, и восхищаться матросами, которые одинаково прилежно качают воду со старым и с новым капитаном.

Не пойму только, к чему при этом то, что в старину называлось личностями, вроде фраз о «внутренней несвободе», «преувеличении своих страданий» и проч. Ведь это смешно – считаться в отношении друг друга, кто насколько пострадал и нельзя ли больше. Можно, конечно. Я, во всяком случае, страдальцем себя отнюдь не считаю, и если вынужден был к объяснению насчет некоторых неудобств нынешнего своего положения, то лишь вследствие Вашего вопроса о «личных жертвах».

По поводу своих статей объясняться, понятно, не буду. И об Августе – довольно. Ведь коли бы я находил возможным использовать Вашу методу спора, то должен был бы сказать примерно следующее: «Раз уж Вы, Александр Исаевич, так непреклонны в оценке поведения старейшей редакции в Августе, то что мешало Вам самому тогда же высказаться публично по поводу происходящих событий, заклеив заодно верноподданный «Новый мир», вместо того, чтобы декламировать о своей «боли и стыде» два года спустя по случаю разгона редакции?» Но я не говорю Вам так, потому что считаю подобный ригоризм напрасным (предела требованиям друг к другу тут нет, вплоть до самосожжения), а сам запоздалый разговор такого сорта – нехорошим.

Вполне сочувствую Вашему желанию «на переходе к 70-м годам назвать все своими твердыми именами». Но Вы делаете ошибку, если думаете, что говорите всякий раз как бы от лица Истории. Не уверен, что она во всем согласится с Вами. К сожалению, Вы сплошь и рядом питаете иллюзии самые детские, легко теряете масштаб явлений и поддаетесь, очевидно, впечатлениям и настроениям кружковой сектантской предвзятости. А сколько наивной импровизации в Ваших исторических прогнозах и оценках!

Александр II, сгноивший в ссылке Чернышевского, закрывший «Современник» и «Русское слово», благословивший массовые процессы «землевольтцев», потопивший в крови польское восстание (едва сто лет прошло, а Вы забыли...), этот либерал поневоле – герой русской истории? «Вехи» – новое евангелие? И XX съезд померк для Вас в сиянии этой «жемчужины»? Померк как раз тогда, когда в кинотеатрах снова аплодируют появлению Сталина на экранах, и мы с каждым днем удаляемся от этой «части национальной традиции и культуры», не успев ни развить, ни закрепить ее? Наконец, рукописный Самиздат – победитель «Нового мира» 60-х годов? Победитель демократического (но не либерального!) журнала с полумиллионным регулярным читателем? Нет, проповедуйте все это кому-нибудь другому.

Сознаю, конечно: и Ваша пристрастность, и оценки эти в большой мере результат нездоровых обстоятельств, противозестественного положения, в какое Вы поставлены как писатель. Но, неизменно восхищаясь Вашим художественным талантом, я искренне сожалею, что Ваша общественная активность находит себе такой ложный выход.

Повторю на прощанье Ваши слова: не обижайтесь, и пожелаю Вам всего доброго.

В.Л.

Письмо В.Я. Лакшина К.Л. Рудницкому¹⁹

28.12.1976

Дорогой Костя!

Спасибо за подробный отзыв. Письменный его характер заставляет ответить также письменно. Итак, заведем переписку из двух углов. Я искренне благодарен за сочувственные слова о главных мыслях и положениях статьи. Это мне очень важно. Но важны и возражения. Тем более что я верю в их благожелательность, очень ценю Ваше доброе отношение ко мне и сам плачу от души Вам тем же. Значит, стоит объясниться. Ведь Ваши возражения лишь по форме частные и деликатно выраженные, но я понимаю, что речь идет о вопросах не мелких, и сама письменная форма Вашего ко мне обращения это обстоятельство подчеркнула.

В некоторых Ваших недоумениях повинен, несомненно, я – плохо, нескладно, не до конца выразил, что хотел. В некоторых, может быть, Вы – не захотели расслышать то, что я говорю, не поверили мне, поддавшись случайным своим впечатлениям.

Скажем, я вовсе не стремился показать «красоту и благородство пьяного Твардовского», как Вы пишете. Пьяный есть пьяный. Я только говорю, что ни подлым, ни трусливым, ни мелочным я пьяного А.Т. не видел. Это искреннее мое свидетельство, а пил я с ним, наверное, тысячу раз, и один и в компании. Относительно пьянства Твардовского много легенд – самых преувеличенных и гнусных, оттого я считал важным об этом упомянуть.

Вы, конечно, правы, что о «Новом мире», его особой позиции, его «миссии», как Вы говорите, я написал мало и неудовлетворительно. Но это, я думаю, и не задача такого личного и полемического сочинения, как мое. Да и я тут не лучший судья, скорее один из участников и свидетелей. К счастью, существует ряд дневников этих лет, прежде всего подробнейшие дневники Твардовского, которые помогут восстановить истину во всем объеме. А если будущий историограф изучит к тому же 1) комплект «Нового мира» 60-х годов, 2) сохранившиеся в архиве верстки с редакторской и цензурной правкой, 3) тысячи писем читателей «Нового мира», хранящиеся теперь в ЦГАЛИ, 4) полемику в газетах (сотни ругательных статей) и с трибун (семь выступлений на одном 23-м съезде партии), 5) архив цензуры, Секретариата СП и отдела культуры ЦК, – будет объективная возможность оценить то, что Вы называете «миссией» «Нового мира».

Откуда Вы взяли, что я пытаюсь уверить, будто члены редколлегии «Нового мира» – «все друзья и все ангелы»? Слов нет, Вы правы, когда говорите, что в редколлегии люди были разные и по-разному вели себя в разнообразных обстоятельствах. Их слабости известны мне очень хорошо, так же, как им, возможно, мои. Я не однажды ссорился по журнальным поводам с Дементьевым, на многое смотрел с ним различно, расходился во многом с Заксом – и об этом вскользь пишу (стр. 22 рукописи). Вообще, вопреки Вашему лестному суждению, в редколлегии мы не всегда составляли «сильное единство», и каждый журнальный номер в каком-

¹⁹ Рудницкий Константин Лазаревич (1920–1988), театровед, театральный критик, доктор искусствоведения, автор книг о Мейерхольде и др. Данное письмо является ответом на письмо Рудницкого от 22 декабря 1976 года Владимиру Яковлевичу, который дал ему рукопись своего ответа Солженицыну). Рудницкий пишет: «Я рад, что такое высказывание состоялось и что произнесено оно Вами. «Новый мир» имел моральное право ответить, его роль в духовной жизни общества была огромна, и Вы – больше других – обладаете личным авторитетом, способным защитить и утвердить позицию журнала и сегодня, и завтра. Очень и очень во многом я с Вами согласен на 100 %. Речь идет и о том, как показываете Вы отношения редакции с А.И. (Александром Исаевичем Солженицыным. – С.Л.), отношения А.Т. (Александра Трифоновича Твардовского. – С.Л.) и А.И. – тут все для меня абсолютно убедительно. Еще убедительнее Ваш анализ сегодняшних политических утопий А.И. и непривлекательных, и нереальных – и с моей точки зрения... Да, без «Н.М.» («Нового мира». – С.Л.) вряд ли появился бы «Ив. Ден.» и, может быть, самое имя А.И., теперь столь громкое, оставалось бы неизвестным. Но тем важнее не просто сказать о том, как широко читали «Н.М.», но и четко определить его место в духовной и общественной ситуации 60-х гг., среди других журналов и газет, обозначить его линию, *его миссию*... Если бы «Н.М.» свою миссию не выполнил, вся деятельность А.И. скорее всего и не началась бы...» (Архив В.Я. Лакшина).

то смысле представлял собой плод и внутриредакционной борьбы. Если бы я писал свои воспоминания о журнале, наверное бы, нарисовал всех так, как их тогда видел. Но Солженицын изобразил соредкторов Твардовского именно в духе пасквиля, с чем Вы напрасно не хотите согласиться, ибо что такое «мутно-угодливый Сац», «с носом вынюхивающим» Кондратович и т. п., как не пасквиль? В свете такого рода высказываний, которые призваны были небрежными художественными мазками лично скомпрометировать людей журнала, бросив тень и на самое дело, я обязан был за них вступить.

Вы едва ль не оправдываете «игроцкий азарт» Солженицына, а я убежден, что когда это качество обращено на его отношения с людьми, – это и есть безнравственность. И далее Вы «лабиринт» «Нового мира» на одну доску ставите с «играми» А.И. (Александра Исаевича. – С.Л.). Позвольте указать на различие.

«Новый мир» лабиринтил и хитрил в иных случаях с начальством и цензурой. Солженицын же «играл» со всеми, и с особым азартом, пожалуй, с теми, кто помогал ему, уверенный заранее, что он выше всех, и доигрался до ненависти едва ль не ко всем на свете. В последнем его сочинении, какое мне попало, он, изругав предварительно литераторов, либералов, марксистов, церковников, эмигрантов, издателей, ученых, интеллигентов, политиков в России, Европе и Америке, обличает ныне радиоккомпанию Би-би-си и ее комментатора Гольдберга за политическую беззубость и умеренность. Ну, да господь с ним. Скажу еще два слова о «лабиринте» «Нового мира», как о модной теме (недавно те же слова слышал).

Я бы удивлялся, по совести, не тому, что «Новый мир» «лабиринтил», удачно обходя рифы и заранее предвидя опасности. Это делает по-своему изобретательнее «Знамя» Кожевникова и «Лит. газета» Чаковского. Я бы удивлялся, напротив, тому, как в основных поставленных себе литературно-общественных задачах «Новый мир» был упорен, упрям и открыт. Помните хотя бы требование правды, прошедшее во стольких полемиках и нами не уступленное. Помните неизменную борьбу журнала – и в практике прозы, и в критике – с ремесленничеством и идеологической бутафорией в искусстве, что столько нажило нам персональных врагов, но журнал, его позицию до последнего номера (1970, № 1) не поколебало. Помните отношение журнала к теме деревни, которая ведь не просто тема, и где мы тоже ничего не уступили. Помните, наконец, полемику последнего года с «младороссами», на которую брызжит заодно с Мих. Алексеевым Солженицын. Я уж не говорю о так называемой «проблеме культа личности», лагерей, оценки террора в ряду других революционных методов, вопросов демократии и т. п. Словом, я бы удивлялся не тому, как умело «лабиринтил» журнал, а тому, как он стойко и прямо отстаивал те, пусть скромные для пылких голов, рубежи, на какие он сознательно встал в 60-е годы.

Многим казалось, что причиной долгой непотопляемости «Нового мира» является какая-то особо изоциренная тактика, или даже «рука» на вершине. Сомнительным было и «покровительство» Хрущева²⁰, а после 1964 года уж совсем никаких высокопоставленных заступников у «Нового мира» не было. Секрет в ином. «На том стоим», – сказал Твардовский в статье 1965 года «По случаю юбилея». И в этой личной, твердой, неуступчивой силе, за которой и враги «Нового мира» признавали некий авторитет, ощущая общественную поддержку ей, заключался секрет многолетия обреченного журнала.

«Новый мир», если угодно, чаще шел на рифы, чем огибал их (как в «Ответе одиннадцати литераторам» перед самым концом²¹) и именно поэтому проходил их до поры, пока не

²⁰ Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971), партийный и государственный деятель. 14 октября 1964 года освобожден Пленумом ЦК КПСС от обязанностей 1-го секретаря ЦК КПСС и члена Президиума ЦК КПСС.

²¹ 26 июля 1969 года вышел «Огонек» с «письмом одиннадцати»: его подписали Михаил Алексеев, Петр Проскурин, Александр Прокофьев, Сергей Викулов, Николай Шундик, Сергей Воронин, Виталий Закруткин, Анатолий Иванов, Сергей Малашкин, Сергей Смирнов (поэт), Владимир Чивилихин. Оно называлось «Против чего выступает «Новый мир»? Это был резкий выпад против журнала. Спустя почти 20 лет в 1988 году Вл. Як. в «Письме в редакцию. Рецидив» дал оценку еще раз

разбился, что и Твардовским и нами всеми всегда понималось как неизбежность. С весны 1963 года Твардовскому назначали преемника, и семь лет мы жили, как поднадзорные, с «временной пропиской», по выражению А.Т., в вечной осаде, – и чести, могу с удовлетворением сказать, не потеряли. В этом корень дела, а не в неизбежном в каких-то пределах «лабиринте», учете тактики и т. п.

Теперь «проблема Аси», о которой мне меньше всего хотелось бы говорить, тем более, что для большинства читателей моей рукописи такой «проблемы» вовсе не существует. Согласитесь, что и не мною выдвинута эта «проблема». Я просто бы ни слова о ней не промолвил, если бы в «Теленке» А.С. Берзер не выступила в роли исключительной: единственного порядочного лица в редакции «Нового мира», прямо противопоставленного всему окружению Твардовского. И это, к прискорбию моему, уже литературный и общественный факт, и от него никуда не деться. Может быть, тут собственные домыслы Солженицына и А.С. (Анна Самойловна Берзер. – С.Л.) не виновата, она лишь пассивная жертва его симпатий? Отчего же, однако, он так упорно ссылается на нее, как на источник своих знаний о людях и обстоятельствах «Нового мира»? И почему бы ей самой тогда не возмутиться этим, так же, как кому-либо из нашей публики, читавшей «Теленку» с изрядным волнением, не возмутиться некоторыми его страницами до и вместо меня? И о Берзер тогда бы, к счастью, мне не пришлось писать.

Однако сама реакция на 20 критических строк об А.С. Берзер в моей рукописи убеждает меня, что она свой миф создала, Солженицын его литературно закрепил, а Вы, как читатель, в нем ни минутой не усомнились – это уже требует возражений, потому что касается не ее лично, а «Нового мира», как литературного и общественного организма...

От составителя:

В первой публикации ответа Вл. Як. на «Теленку» – «Солженицын, Твардовский и «Новый мир» – в журнале «Двадцатый век», № 2. 1977. Лондон – были эти строки о А.С. Берзер. Вот они:

«Что же касается Берзер, то Твардовский, как верно замечает Солженицын, даже отдавая должное ее редакторским навыкам, любил ее мало – и, как теперь выясняется, не зря. Амбиции ее были велики, притязания обширны – куда больше той скромной роли, какую она в редакции выполняла. Ей не приходилось принимать ответственных

этому событию в ответ на выступление Н. Шундика, что он ни в чем не раскаивается и что «дело было не в Твардовском, а в синявских»: «Статья «Огонька» заклеяла как «очернительские», «глумящиеся над трудностями роста советского общества» произведения прозы «Нового мира». Назывались, в частности, повесть И. Грековой «На испытаниях» и роман Н. Воронова «Юность в Железнодорожке»... Журнал в целом обвиняли в том, что он будто бы подменил «идеи пролетарского интернационализма» «космополитическими идеями». «В провокационной тактике» «наведения мостов» сближения или, говоря модным словом «интеграции идеологии», они (редакторы и авторы «Нового мира». – В.Л.) словно бы не хотят видеть диверсионного смысла. Более того, прикрываясь трескучей фразеологией, они сами выступают против таких основополагающих морально-политических сил нашего общества, как советский патриотизм, как дружба и братство народов СССР, как социалистическое по содержанию, национальное по форме искусство социалистического реализма». «Диверсионный смысл» – так было расценено стремление Твардовского говорить правду в эпоху застоя, бороться по мере сил за демократизацию и гуманизацию нашего социалистического Отечества. В нынешние дни вряд ли необходимо подробно комментировать «письмо одиннадцати». Какую его сторону ни возьми, его отличал демагогический тон и голословный характер политических обвинений. Было ясно, что письмо преследовало одну цель – переменить руководство журнала, добиться ухода Твардовского с поста главного редактора. Это желание группы литераторов находило в то время и официальную поддержку, в том числе и на высоких этажах, в частности у М. Сулова». Вл. Як. цитирует написанный Твардовским и им ответ, который, по его словам, был «воспринят тогда как неслыханная дерзость». А «письмо одиннадцати» «послужило сигналом к началу газетной кампании против «Нового мира» и Твардовского как его редактора... Перечитывать сейчас эти недобросовестные, но, по-видимому, хорошо скоординированные статьи тяжело и горько. Результаты этого так называемого «обсуждения в печати» вылились в протокол № 5 от 9 февраля 1970 года заседания секретариата Союза писателей о переменах в составе редколлегии «Нового мира», вследствие которых Твардовский покинул пост главного редактора. В сентябре 1970 года Твардовский тяжело заболел (инсульт и обнаруженный одновременно рак легкого). В декабре 1971 года он умер... Литературный и общественный климат в 70-е годы был бы все же существенно иным, не будь в 1970 году удушен «Новый мир» Твардовского» («Советская культура», 14 мая 1988 г.)

решений, отстаивать журнал в «инстанциях» и цензуре, и оттого, быть может, главных врагов «прогресса» она видела в членах редколлегии, окружавших Твардовского. Как явствует из «Теленка», она не испытывала брезгливости к двойной игре, хотела понравиться авторам за счет редколлегии, плодила среди них опасения, недоверие, переносила слухи, и тем еще пуще осложняла положение и Твардовского» («Двадцатый век». 2).

В черновике письма к Рудницкому Вл. Як. написал о Берзер конкретнее: «К сожалению, я еще до «Теленка», по разным обстоятельствам сделал на этот счет несколько неприятных открытий. Вернувшись к прошлому, могу сказать, что относился к Берзер без всякого недоверия, даже с симпатией, пока мы работали вместе в «Новом мире», хотя и знал некоторые сложности ее характера: особую уязвимость, амбициозность. Но только потом смог оценить какой-то поразительный ее дар исподволь, с тихой улыбкой, ссорить людей. Спросите Копелева – он расскажет, как она поссорила его с Некрасовым. Спросите Саца – он подтвердит, как она развела его с Некрасовым и Войновичем. Велика ее роль и в ссоре Твардовского с Вас. Гроссманом, а задиристые письма Солженицына ко мне весной 1970 года во многом ею инспирированы: он и тогда не скрывал источника своих суждений о многих моих мнениях и поступках. В «Теленке» же – публично, на весь мир это вывалил...

Я никогда не посмел бы попрекнуть ни Берзер, никого другого тем, что они продолжают работать с Косолаповым – вопрос «трудоустройства», пенсии и т. п., дело понятное, житейское. В принципе «Новый мир» и при Косолапове, и при Наровчатове ничем не хуже «Знамени» или «Иност. литературы» – почему бы там не служить? Но в феврале-марте 1970 года ситуация была особой: замена Твардовского Косолаповым, фактическая гибель журнала, его направления были вызовом обществу, интеллигенции, и все следили со вниманием, насколько покладливо это общество себя поведет. Многие писатели, без всякого понуждения со стороны Твардовского или моей говорили нам, что не станут больше печататься в «Новом мире», чтобы хоть как-то пассивно выразить свое отношение к случившемуся... Надо ли говорить, что ни Твардовский, никто иной из нас писателей к сопротивлению не понуждал. Но когда Залыгин, Каверин, Троепольский, Черниченко, Ильина и некоторые другие забрали свои рукописи и отдали в другие журналы, мы увидели в этом благородный жест солидарности. Значит, им не все равно было, где печататься, и направление журнала для них что-то значило. Надо сказать, что когда к Твардовскому литераторы, жаждавшие моральной индальгенции, приставали с вопросом, нести ли им новую вещь в «Нов. мир», он говорил неизменно: «Это дело Вашей совести», и никого ни к чему не понуждал.

Однако в это же время и, главным образом, усилиями Берзер, была создана другая домашняя идея – издавать хороший журнал можно и без Твардовского, с новой редколлегией... Берзер фактически помогла сделать то, что и потребно было начальству: совершить, спустить на тормозах плавный переход к новому состоянию ничтожества, в каком это издание теперь находится.

Эта ее деятельность ни в Твардовском, ни во мне не вызвала восторга, но от каких бы то ни было высказываний на этот счет мы воздерживались. Зато из стен «Нового мира» в 1970 году полился поток неприятных сплетен и пересудов о нас, оставленных в феврале редакторах, и не только в буфете, а даже на партийном собрании под водительством О. Смирнова обсуждали, какие меры принять к авторам, отказывающимся сотрудничать и как унять неприятельскую деятельность старой редакции, которой напрасно приписывали всевозможные «козки».

Задним числом сторонники Берзер нашли многочисленные пороки во всем окружении Твардовского – и тем оправдали свою готовность.

Так что речь вовсе не о том, что кто-то остался служить в «Новом мире», кто-то там печатался и печатается... Берзер же претендовала на особую роль, заняла свою определенную позицию, которая включала и осуждение редколлегии, работавшей с Твардовским, и это отразилось на некоторых сторонах литературной жизни, в том числе отозвалось и в мемуарах Солженицына. Вот почему я вынужден был, хотя крайне не желал, возвращаться к этому, сказать об эпизоде весны 1970 года несколько строк. ... Берзер не только не отвергла приписываемое ей Солженицыным, но даже, как говорили мне, гордилась своей ролью в его мемуарах». (Архив В.Я. Лакшина).

Первоначально свой ответ Солженицыну Вл. Як. назвал «Друзьям «Нового мира» (по поводу книги Солженицына «Бодался теленок с дубом»). В этом первом варианте рукописи содержится достаточно яркая зарисовка характера А.С. Берзер. Вот этот текст: «О том, как я понимаю роль А.С. Берзер в «Новом мире», придется сказать подробнее, поскольку Солженицын вывел ее в «Теленке» главным своим конфидендом и соглядатаем в журнале.

Анна Самойловна пришла в «Новый мир», имея за плечами немалый житейский и литературный опыт. Работала в «Литературной газете», редактируемой В. Ермиловым, потом в журнале «Знамя» у Кожевникова. В «Новый мир» была взята по горячим рекомендациям своих подруг, уже работавших в журнале, и прижилась тут, хотя, как верно замечает Солженицын, Твардовский, отдавая должное ее редакторским навыкам, любил ее мало. Редактором Берзер была хорошим, со вкусом, хотя не без тех «домашних» дружеских пристрастий, какие вкус портят.

Одинокая женщина, уже в те годы под 50, с постоянным близоруким прищуром, улыбочкой ускользающей, «Ася», как все ее звали, свои тайные страсти и глубокие амбиции перенесла в то дело, каким занималась. В ее манере общения была мягкая настойчивость, но житейский конформизм, умение ладить с начальством были ей не чужды, и, случись обстоятельства по-иному, она могла бы, наверное, десятки лет штопать рецензии в отделе критики «Знамени» под приглядом Людмилы Скорино. Но вышло так, что подруги вытащили ее в «Новый мир», она загорелась тем, что участвует в передовом, «прогрессивном» журнале, и в московских либеральных гостиных стала получать репутацию главного цветочка прогресса и тайного двигателя всего, что есть лучшего в «Новом мире».

Мы в редколлегии, бывало, глухо помалкиваем об очередной новинке, боясь повредить ей в цензуре довременной рекламой, делаем в ответ на расспросы незаинтересованные лица, беспокоясь сутью дела, которой так легко помешать пустым звоном (такие случаи были – сам погубил свой уже набранный роман предварительными разговорами А. Бек). А кружок приятелей и приятельниц Берзер с ее слов уже шумит-гудит о том, что «Ася» открыла нового гения. Так случилось, что Берзер и сама скоро поверила, будто вывозит на себе лучшее в «Новом мире» – его прозу. Ей стало казаться уже величайшей неблагодарностью, что Твардовский недостаточно ценит эти ее усилия, слишком редко ободряет похвалами, а главное, не делает – вопреки очевидной справедливости – членом редколлегии. Вероятно, она внутренне негодовала, что люди куда менее ее достойные – Кондратович, Сац, Лакшин – вершат дела редакции с Твардовским, в то время как она остается в тени.

И с тем большим, как ей казалось, внутренним правом, повела она исподтишка ту игру, какая привычна была в ермиловской «Лит. газете» и «Знамени». Игра эта заключалась в том, что авторам, приходившим справиться о своей рукописи в отдел прозы, она говорила, указывая пальцем на потолок второго этажа, где помещались основные кабинеты редколлегии: «мне нравится, но они не хотят», «они вряд ли вас пустят», «они боятся». И, наконец, «я сделаю, что могу», и авторы уходили в счастливой уверенности, что Анна Самойловна лучший человек и надежнейший их друг в журнале. Более того: их героический защитник. Не перед цензурой, нет, не перед «инстанциями», с которыми она счастливым образом соприкосновения не имела, а стало быть, и ответственности не несла. А перед трусливой и ограниченной редколлегией.

Самое смешное в том состоит, что пока Берзер тихо интриговала, внушала всем вокруг, что «Новый мир» – это она и есть, и ей приходится бороться с нами за все доброе, мы с нею не боролись. Мы думали о ней, как о скромном и верном своем сотруднике и союзнике, и все, о чем я здесь пишу, открылось наглядно потом, стало ясно задним числом из пересудов московской молвы, из поздних признаний людей литературной среды и из таких свидетельств, как книга Солженицына. А в те времена, даже когда подозревали Анну Самойловну в чрезмерном заигрывании с авторами за наш счет, смотрели на это сквозь пальцы, как на незначущую женскую слабость, пустой вздор. Да и просто не до того было. Вместе с Твардовским Кондратович, Закс, Хитров и другие наши товарищи были заняты каждодневной изматывающей борьбой за выход, пусть и с обычным опозданием, очередной книжки журнала.

По своему властному, императивному характеру Солженицын, по видимому, более всего и едва ли не исключительно ценит личную преданность. Анна Самойловна сумела его в ней уверить – помимо лести ему и демонстрации своей роли в журнале, постоянными прищептываниями, что это доверительно, только для него, что она не имела права говорить, но ему скажет и т. п. Все это отозвалось теперь в «Теленке».

Впрочем, хватит об А.С. Берзер. Если ей уделено здесь избыточно места, то это потому, что мелкие, частные, психологические факторы иной раз влияют на создание картины большой истории. Солженицын пишет, что, подолгу не появляясь в журнале, «лишь по рассказам Берзер признавал, что там в редакции делается». Мнения и поступки этой журнальной дамы не заслуживали бы, наверное, столь подробного разбора, если бы суждения Берзер и двух-трех ее подруг не выплеснулись в книге Солженицына, уже как его достоверное знание. Так что Берзер – в известном смысле – соавтор легенды о «Новом мире», предложенной нам в «Теленке». (Архив В.Я. Лакшина).

Когда вышел «Теленок» на русском языке в погибающем СССР (1991) и Вл. Як. стал готовить к печати свое сочинение здесь, он снял кусок о Берзер и потому, что не хотел обсуждать, вынула ли Берзер «Ивана Денисовича» из самотека, или его привез для Твардовского и ей отдал Копелев. Кроме того, ему наперебой все звонили, как тяжело больна Анна Самойловна. Она его, однако, пережила. В черновике письма к Рудницкому есть зачеркнутая фраза: «По-христиански мне самому Берзер сейчас жалко...»

Вот Вы пишете, что я умаляю роль А.С., «читавшей прозу раньше всех и отбирившей лучшее». Но откуда Вам это известно? С чьих слов? Берзер много и хорошо работала в своем отделе, имела и вкус, и заслуги в выдвижении некоторых авторов, это правда. Но в той характеристике, какая дана здесь Вами, есть, осторожно говоря, некоторое преувеличение. В большей мере, чем что-либо иное, проза в «Новом мире» была заботой и делом всего журнала. Многие произведения прозы первым читал и рекомендовал их сам Твардовский (например, ряд вещей Залыгина, Троепольского, Соколова-Микитова, а Солженицына всего, после «Ивана Денисовича» читал первым. Кстати, Копелев²² указал мне на неточность: я, вслед за Солженицыным, пишу, что «Ивана Денисовича» Берзер извлекла из редакционного «самотека», а он утверждает, что вместе с Р. Орловой²³ принес повесть Асе (так называли Берзер в редакции неофициально. – С.Л.) для передачи Твардовскому. Да и другие члены редколлегии часто читали и рекомендовали сочинения прозы раньше, чем они попадали к Берзер. Кондратович, сколько помню, первым читал повести Катаева, Закс – мемуары Эренбурга, Виноградов и Сац редактировали Айтматова, который Асе «не нравился», Сац же открыл в «самотеке» первую вещь Войновича, я рекомендовал журналу «Театральный роман» Булгакова, первым читал и потом редактировал записки В. Шверубовича, Анастасии Цветаевой и т. п. – привожу первое, что пришло на ум. Словом, никак не отрицая роли редакторского пера Берзер, я должен сказать, что приписывание ей едва ли не всех заслуг в отборе и редактировании прозы «Нового мира» наивное заблуждение или московский миф.

Скажу, кстати, и о моей «жесткой и каменной», как Вам показалось, позиции в отношении тех, кто в 1970-м году остался работать с Косолаповым. Никогда никого из старых наших сотрудников, кто просто остался служить в «Новом мире», я не укорил в этом – «трудоустройство», пенсия и т. п. – все это понятно, и у меня сохранилось самое доброе отношение к Г.П. Койранской, например, и другим, по сей день работающим в журнале.

Но весной 1970 года ситуация была особой. Некоторые писатели забрали рукописи, желая выразить свое отношение к происшедшему. Начальство испугалось скандала, и А. Беляев прямо говорил: «Надо сломить бойкот писателей». Именно тогда А.С. Берзер стала центром

²² Копелев Лев Зиновьевич, литературовед, эмигрант, прототип Рубина в романе Солженицына «В круге первом».

²³ Орлова Раиса Давыдовна, жена Копелева. Специалист по американской литературе. Вместе с ним эмигрировала.

кружка, решившего выдвинуть сотрудничество с Косолаповым, как высокую идейную задачу, продолжение «миссии». Она явно переоценила свои силы, думая, что сможет сохранить прежний журнал без Твардовского и с новой редколлегией. А практически лишь помогла совершить удобный начальству плавный переход журнала в новое качество, чтобы никто не подумал, что с уходом Твардовского и старой редколлегии произошло в литературе нечто тяжелое и трудно поправимое. А дабы это не выглядело как отступничество в отношении прошлой редакции, неизбежно надо было погуще очернить нас. Весной 1970 года из бывшей нашей редакции полетели нам вдогонку комья грязи.

На пересуды и сплетни в ЦДЛ и домашних кружках, доходившие до меня тогда со всех сторон, можно было бы и наплевать, и я долго зажимал уши. Но в конце концов это вылилось и в некоторые литературные документы – и среди них письма Солженицына ко мне со сплетнями, переданными с чужих слов, и нынешние страницы «Теленка». Тут уж, пожалуй, промолчать было нельзя: «Каким судом судите, таким и судимы будете».

Можно было бы, Костя, поговорить на эти темы подробнее. Если надумаете зайти – милости прошу. Еще раз искренне благодарю за откровенный отзыв, и на пороге Нового года желаю всем сердцем Вам и Тане²⁴ здоровья и благоденствия.

²⁴ Бачелис Татьяна Израилевна, искусствовед, киновед. Жена К.Л. Рудницкого.

В редакцию «Вестника РХД»²⁵

Мне не следовало бы, наверное, отвечать на удивительно грубую, недобрую статью Ф. Светова «Разделение...», напечатанную в 121-й книжке «Вестника», если бы не одно обстоятельство. В обширной статье, добрая треть которой посвящена полемике со мною, не нашлось сколько-нибудь внятного указания на то, когда и где опубликован текст, с которым спорит критик, так что читатель, усомнившийся в яростных обличениях Светова, не может сравнить тексты и выяснить меру его правоты.

Между тем такая проверка по отношению к статье Светова совершенно необходима, ибо сюжет, о котором он пишет, приобретает под его пером самые фантастические, извращенные очертания.

С точки зрения Светова, я совершил отчаянную ошибку, что решился возразить Солженицыну на его книгу «Бодался теленок с дубом». Но что делать, если я не разделяю молитвенного отношения к некоторым из недавних сочинений нашего замечательного писателя – что видел, что сам чувствую, не могу уступить силе даже самого громкого и подавляющего авторитета.

Предвзятость, несправедливость суда Солженицына над «Новым миром» 60-х годов была для меня очевидна и, прочтя его книгу, я решился записать – не для печати, а для себя и для круга друзей – как я помню, знаю и понимаю то время и людей, каких он описывает. Вырвавшись в Самиздат и в течение года ходившие в Москве по рукам мои заметки «Друзьям «Нового мира» были напечатаны в 1977 году в Париже в издательстве Альбен Мишель отдельной книгой под заглавием «Ответ Солженицыну», а по-русски появились в альманахе «XX век» (вып. 2, Лондон, 1977). Эти публикации уже вызвали разнообразные, и вполне сочувственные и критические, отзывы в западной печати. Но то, что появилось теперь в «Вестнике», покинуло берега обычного литературного и общественного осуждения.

Светов досадует на то, что я мало менялся в последние годы: в самом деле, литературная вертлявость не кажется мне большой добродетелью. Забывает он, между прочим, отметить, что не менялся я и в своем уважении к большому таланту Солженицына. Приходится напомнить, что в 1964 году в статье «Иван Денисович, его друзья и недруги» я писал, защищая Солженицына от яростных нападок: «... Чем дальше будет жить эта книга среди читателей, тем резче будет выясняться ее значение в нашей литературе, тем глубже будем мы сознавать, как необходимо было ей появиться». Не помню, чтобы Ф. Светов принимал тогда участие в этих спорах о Солженицыне – он писал и издавал книги о Михаиле Светлове с его «Каховкой» и «Гренадой» и трактат «Ушла ли романтика?», а теперь учит меня понимать значение автора «Ивана Денисовича». Но и, правду сказать, что делать, если, высоко ставя рассказы Солженицына и его роман «В круге первом» и «Раковый корпус», признавая огромное явление «Архипелага Гулага», хоть и не склоняясь перед этой книгой богомольно, я не могу принять ни мемуаристику «Теленка», ни книгу о Ленине, ни большинство политических интервью и писем Солженицына, где, на мой взгляд, ненависть делает его беднее и уже себя.

В статье «Разделение...», посвященной апологетическому разбору «Теленка», у Светова трудно найти какой-нибудь новый оттенок мысли, он идет за Солженицыным слепо, стопа в стопу, лихорадочно ухватившись за рукав поводыря и копируя даже его интонации. Только в одном он, пожалуй, еще смелее Солженицына – в личностном тоне, оскорбительных словечках: «лежалое тряпье», «обрыдший маскарад», «барский окрик», «жалкий фарс», «смрадный дух» (и т. п.). Читая это о себе, я все думал: что это напоминает? И вдруг вспомнил: да это, как две капли воды, тот самый тон полемики, каким встречены были в печати мои статьи в «Новом

²⁵ Письмо Вл. Як. не было опубликовано в журнале «Вестник РХД» («Вестник Русского Христианского движения»).

мире» в защиту Солженицына в 1964–1966 годах. Я не поленился перечитать их теперь и убедился, что когда Светов пишет «Лакшин распоясался», он лишь повторяет П. Строкова из «Октября», писавшего обо мне: «разбушевавшийся критик»; когда он рассуждает о моем высокомерии, «барском юморе», то слегка перефразирует статью Б. Дьякова, который возмущался, что, защищая Солженицына, я «грубо и высокомерно третирую большую группу литераторов», а когда Светов позволяет себе усомниться в моих «чувствах по отношению к народу, прошедшему через архипелаг», он заимствует полемический прием «Литературной газеты», которая негодовала, что мною «кощунственно брошена тень» не на отношение «к герою художественного произведения, нет, а к реальным жертвам сталинского произвола» (см. «Октябрь», № 3 и 4, 1964; «Литературная газета», 1964, № 66).

Таким образом, если я менялся мало, то мало менялся по отношению ко мне, вплоть до новейшей статьи Светова, и тон родной отечественной критики.

Мало ушел Светов в «Вестнике» и от знакомых методов полемизма моих оппонентов 60-х годов. Мне уже приходилось отмечать, что их благородное негодование чаще всего основывалось на подозрениях, расширительном толковании сказанного и усечении цитат с приданием им литературно-криминального оттенка.

То, что он успешный ученик школы «чтения в сердцах», Светов хорошо показал, разбирая одну из моих статей, посвященную журнальным деятелям прошлого века – Сенковскому и Некрасову. Мой рассказ о том, что издатель «Отечественных записок» охотился и играл в карты с цензорами, стремясь сохранить журнал, кормил их обедами у Дюссо и печатал повести влиятельных светских знакомых, Светов воспринял как простодушное изложение, прозрачную зашифровку привычек и обстоятельств журнала «Новый мир». Особенно понравилось ему упоминание об «обедах у Дюссо», и он взялся обличать «Новый мир» за вопиющую беспринципность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.